

18+

Перов Тит Ольгович

Чёрная Книга Калдеры

«Реальность в этом тексте — лишь тонкий переплёт над бездной. Текст содержит сцены интенсивного психологического ужаса и экзистенциальной тревоги. Некоторые из них могут быть некомфортны для чувствительных читателей. Материал предназначен для взрослой аудитории (18+)»

2025

© Перов Тит Ольгович
Все права защищены.

Чёрная Книга Калдеры

Что, если ваши сны — не ваши? Если тени знают о вас больше, чем вы сами? Если звезда на навигационной карте — не точка в пространстве, а автор, использующий вашу память как черновик?

«Чёрная Книга Калдеры» — это психологический космический хоррор, перетекающий в метафизическую притчу, стоящий на грани научной фантастики и сюрреалистической баллады.

Автор создаёт гипнотическое повествование на стыке холодного техногенного реализма и сюрреализма сновидений, где образы становятся вирусами, отравляющими реальность. Это не просто история ужаса — это поэтика распада, где граница между внутренним миром человека и безличной бездной космоса растворяется в тексте.

Это книга для тех, кто ищет в фантастике не только новый мир, но и новую глубину страха. Если вам близок холодный ужас перед непостижимым, если вы цените, когда граница между реальностью и кошмаром стирается на уровне языка, — эта поэма для вас.

Все персонажи, события, названия, марки и иные элементы, упомянутые в данной поэме, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или объектами — случайны и непреднамеренны.

Произведение носит художественный характер и использует гиперболу, метафору и фантастические образы исключительно в рамках творческого высказывания. Автор не преследует цели задеть, напугать или оскорбить кого-либо, а также не стремится вызвать негативные эмоции. Всё изложенное — лишь форма художественного исследования границ восприятия и реальности. Ничто из упомянутого в поэме не является призывом или пропагандой какого-либо действия, убеждения или мировоззрения.

Настоящая публикация может свободно распространяться для некоммерческого использования, с условием указания авторства и без изменения содержания.

ЧАСТЬ I: ПРОБУЖДЕНИЕ У ЧЁРНОЙ ЗВЕЗДЫ

Корабль «Щуп-К», стальной кокон с гипердвигателем в брюхе,
Выскользнул из щели пространства, где законы физики отдыхают.
Встряхнулся, будто пёс, вышедший из ледяной воды,
И замер, носом к цели: звезде по имени Калдера.
Не жёлтый карлик, не гигант — уголь, тлеющий в дали,
Пурпурный мрак её короны был ядовит и странно красив.
Задание простое: взять пробы, сканы, пыль на зуб,
И — домой. Рутинный рейс. Десять сердец в анабиозе,
Капитан Лиран на вахте, кофе и звёздная пыль в иллюминаторе.

Разбудил экипаж сигнал — не тревоги, а мягкий, как плюш.
Из капсул вылезали они, протирая глаза, не от сна,
А от странной тяжести на веках. Как будто за ночь,
Что длилась три месяца прыжка, они не отдыхали, а читали.
Читали что-то долгое, тёмное, на непонятном языке сновидений.
«Мне снилась... книга», — сказала биолог Айла, бледная.
«И мне», — кивнул техник Горн, сжимая виски пальцами.
«Чёрная. Толстая. Страницы — как крылья ночной моли».
«На них были истории, — шептал инженер Риф. — Мои. Но не совсем».

Капитан Лиран, прагматик с сединой у виска,
Включил логику, как щит. «Побочка, друзья.
Гравитационные аномалии Калдеры — они кривые.
Бьют по подкорке. Галлюцинации групповые. Бывало».
Но сам он, пока все спали, видел тот же кошмар:
Чёрный том на пульте, страницы листались сами,
И в тексте мелькали обрывки его детства, искажённые —
Тот день, когда упал с велосипеда, но в книге
Он не встал, а лежал, и кровь была чернильной.

Осмотр корабля — чист. Системы — в норме.
Только тишина стала гуще, липче. И запах —
Слабый, едва уловимый — старой бумаги и озона.
Работа пошла. Сканеры к звезде, анализ спектра.
А сны не отступали. Каждую «ночь» (по корабельному циклу)
Книга возвращалась. И детали проступали чётче.
Техник Чарльз видел страницу, где он признавался в любви
Жене, но слова складывались в оскорбление, и она плакала.
Айле снилось, как её открытие — новый вид космического лишая —
На глазах превращалось в язву, пожирающую её лицо.

ЧАСТЬ II: ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РЕАЛЬНОСТИ

Через неделю Горн, проверяя внешние камеры,
Нашёл её. Не во сне. В кладовке третьего уровня,
Где хранились запасные фильтры.
Лежала на полу, в пыли. Небольшая. Кожаный переплёт
Цвета космоса без звёзд. Без тиснения, без застёжки.
«Чёрная книга», — выдохнул Горн, и эхо унесло слова в вентиляцию.

Собрались все. Книга лежала на столе в кают-компании,
Молчаливая, как обвинение. Лиран, надев перчатки, открыл её.
Страницы были не из бумаги. Материал — тёплый, живой на ощупь,
Как кожа, но чужая. И на них — текст.
Не на языке, известном лингвистическим банкам Земли.
Это были полосы, точки, завитки, плетущие узор,
Который глаз читал как смысл, минуя разум.
И каждый видел своё. Риф вскрикнул — на левой странице
Была схема двигателя «Щупа», но с фатальной ошибкой,
Которую он... чуть не внёс неделю назад, «пьяный» от недосыпа.
«Это невозможно. Я никому не говорил!»

Айла ткнула пальцем в абзац. «Здесь... описание клетки
Того организма, что я ищу. Но в конце сказано,
Что он вступит в симбиоз не с нами, а с кораблём.
И мы станем лишними».

Тишина взорвалась гомоном. Все говорили сразу,
Сравнивая «сны» и «текст». Совпадения были пугающими.
Капитан Лиран закрыл книгу с глухим стуком.
«Стоп. Это не гравитационные аномалии.
Это... кто-то или что-то читает нас. Наши мысли.
Наши страхи. Наши потаенные «а что, если».
И материализует худшую версию в виде этого... текста.
Калдера не просто звезда. Она — зеркало.
Или проектор. А эта книга — наш отражённый кошмар».

В этот момент погас свет. На секунду. Когда включился вновь,
Книги на столе не было.
Только на месте, где она лежала, —
Испепелённый контур, будто от сильного кислотного ожога.
И по всему кораблю, из динамиков связи,
Раздался лёгкий, сухой звук.
Словно кто-то, удовлетворённо усмехнувшись,
Перевернул страницу.

ЧАСТЬ III: ДЕЖУРСТВО В БАГРОВОМ ГИПНОЗЕ

Корабль плыл, заворожённый мерцанием больной звезды.
Тишь. Лишь металл поскрипывал, остывая от прыжка.
Кошмары, будто шторм, откатились, оставили липкий осадок.
Команда, сжавшись в комки воли, вгрызалась в график, в дела —
В якоря здравого смысла посреди багрового моря.

Риф, инженер, в трюме гудящем, сверял схемы до тошноты.
«Бред, — бубнил он, — сон, мираж. Нет здесь ошибки в контуре».
И правда: двигатель пел ровно, системы дышали зелёным.
Айла в лабиринте данных искала следы микро-жизни,
Но видела лишь узоры, похожие на те письма, —
Что мерещились ей во сне на страницах из чёрной кожи.

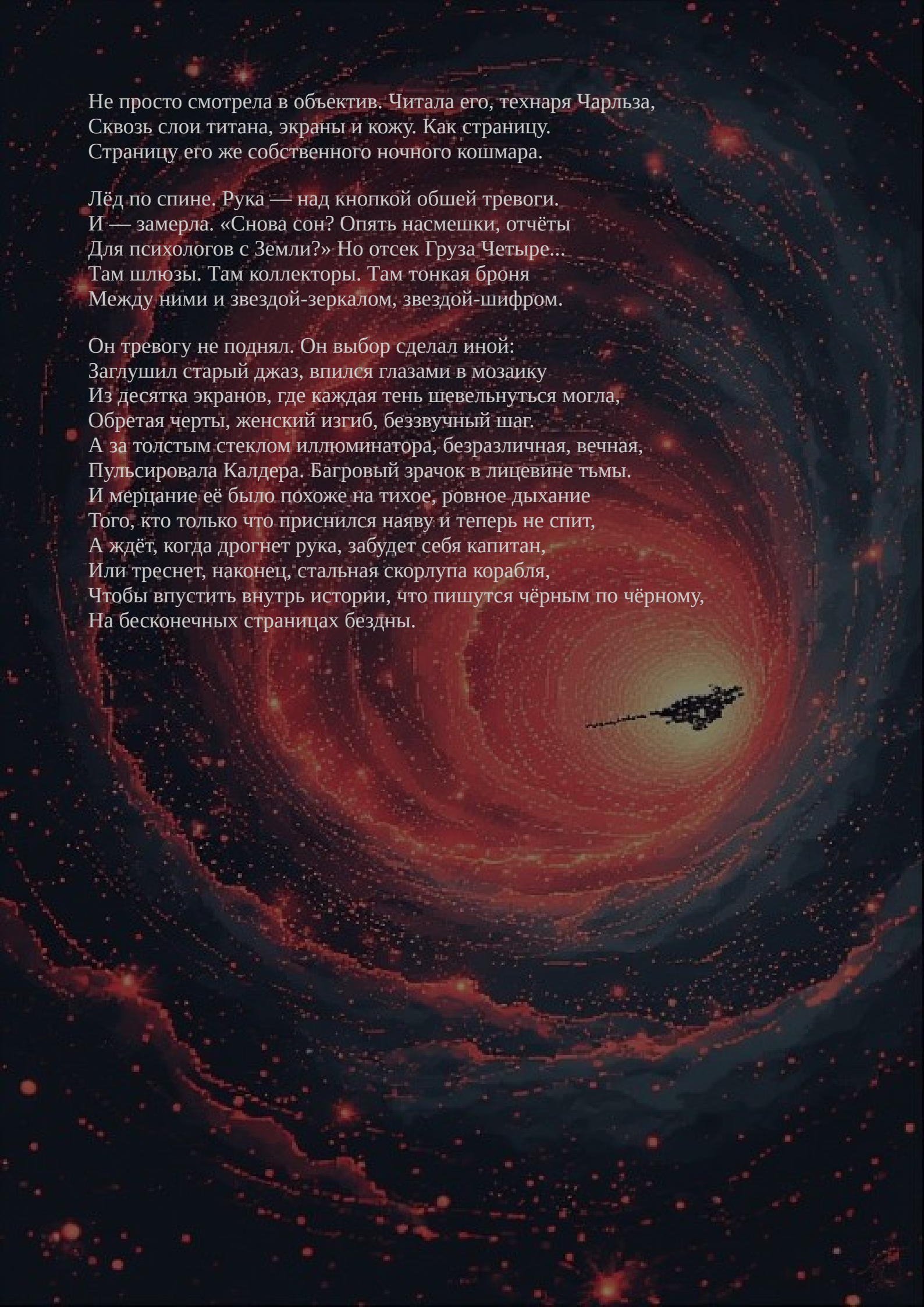
Капитан Лиран, не веря в затишье, бдел, как сова на руинах.
Всё чисто. Слишком уж чисто. И эта немая погода
Была страшней урагана. Предгрозовое молчанье вселенной.

В смену очередную — технарь Чарльз, парень с руками
Золотыми. В наушниках — саксофон усталый, как дальний маяк.
Он глазами водил по экранам, где зелёные змейки сканеров
Ползали по пустым отсекам, купаясь в свечении Калдеры.
Мир гипнотизировал монотонностью. И вдруг —

На краешке взгляда, на экране второстепенном, в отсеке Груза Четыре,
Где тени от ящиков спали угловатым, беспамятным сном,
Родилось движение. Тень оторвалась от пола,
Поднялась, приняла стройность, изгиб, намёк на стан.
Фигура. Женская? Нет — идея женственности,
Вылепленная из самой тьмы, из вакуума-матери.
Чёрная, глубже чёрного, не поглощающая свет — его отрицание.
Жидкий облик колыхнулся, границы его текли,
Как чернила в воде без тяжести, невесомые, зыбкие.
Возникла на миг — и растаяла, впиталась в угол, в сварной шов.
Всё — за один удар сердца. За тик датчика.

Чарльз дёрнулся, сбросил наушники. Тишина загудела в ушах.
«Глаза... устали», — прошептал он эфиру пустого мостика.
Но пальцы, холодные, скользкие, поползли к клавиатуре,
Запустив запись, замедлив кадры, увеличив зерно.

И вот оно — в шумах матрицы, в пиксельном море рождённое:
Не лицо, не глаза — а направленный взгляд пустоты,
Собранность тьмы в наблюдающий узел. И кажется,

Не просто смотрела в объектив. Читала его, технаря Чарльза,
Сквозь слои титана, экраны и кожу. Как страницу.
Страницу его же собственного ночного кошмара.

Лёд по спине. Рука — над кнопкой общей тревоги.
И — замерла. «Снова сон? Опять насмешки, отчёты
Для психологов с Земли?» Но отсек Груза Четыре...
Там шлюзы. Там коллекторы. Там тонкая броня
Между ними и звездой-зеркалом, звездой-шифром.

Он тревогу не поднял. Он выбор сделал иной:
Заглушил старый джаз, впился глазами в мозаику
Из десятка экранов, где каждая тень шевельнуться могла,
Обретая черты, женский изгиб, беззвучный шаг.
А за толстым стеклом иллюминатора, безразличная, вечная,
Пulsировала Калдера. Багровый зрачок в лицеvine тьмы.
И мерцание её было похоже на тихое, ровное дыхание
Того, кто только что приснился наяву и теперь не спит,
А ждёт, когда дрогнет рука, забудет себя капитан,
Или треснет, наконец, стальная скорлупа корабля,
Чтобы впустить внутрь истории, что пишутся чёрным по чёрному,
На бесконечных страницах бездны.

ЧАСТЬ IV: ПЕРВЫЙ КОНТАКТ В ЗЕРКАЛЬНОЙ БЕЗДНЕ

Прибыли. Стали на якорь гравитационный, в зоне,
Где жар звезды был лишь холодным багряным намёком.
Калдера в иллюминаторе — как раскалённый уголь в пепле,
Тлеющий сферою гнева, забытого за эоны.
«Щуп» обволакивал свет, что не грел, а ощупывал,
Словно слепой палач примерялся к контурам шеи.

Началась подготовка. Суета, лишённая сути,
Ритуал для успокоения нервов. Риф и Горн
В скафандрах, неуклюжих, как панцири древних жуков,
Проверяли — зонды для сбора звездной плоти.
Айла сводила и сводила спектры, ища аномалию,
Которая стала их жизнью. Лиран бодрствовал, впившись
В мониторы, где каждая тень теперь казалась движеньем.

И вот — с техником Горном, тем самым, что видел в Книге
Слова, сложенные в оскорбление любимой жены, —
Случилось не «что-то». Случилось очевидное.
Он в отсеке шлюзовом, последний тест системы шлангов.
Иллюминатор здесь — глаз, устремленный прямо в бездну.
Он стоял, спиной к пустоте, и вдруг замолчал в середине фразы.

— Горн? — Риф, его напарник, похлопал по шлему. — Ты как?
Но Горн не ответил. Он смотрел не на Рифа, а сквозь него.
В визор его шлема, в отражающем стекле, Риф увидел
Не своё искажённое лицо, а её.
Ту самую деву из тьмы, из кадров ночного дежурства.
Она стояла за Горном, в самом центре пустого отсека,
Не на полу — в воздухе, как подвешенная капля
Чернейшей вселенской туши. Её чернота пульсировала
В такт мерцанию Калдеры за стеклом.

Риф отшатнулся, ударившись о панель. — Капитан! В шлюзе!
Визуальный контакт! Она здесь!
Голос его был сдавленным, полным чистого ужаса.

Горн же медленно, как во сне, повернулся. Посмотрел
Прямо на неё. И женщина-тень подняла руку.
Не руку — подобие, вытянутый луч сгущённой темноты.
И коснулась стекла его шлема. Не снаружи. Изнутри.
От прикосновения — паутинка трещин, тонкая, как волос,
Поползла по прочнейшему сплаву. А в наушниках

Раздался не звук, а голос. Не голос — эхо множества голосов,
Сплетённых в один шепот, сухой, как шелест переворачиваемых страниц:

*«Горн... твою ложь на планете Дагон... та, что спасла тебе карьеру...
Мы знаем. Звезда читает. Книга записывает.
Ты будешь следующим... чьё «что, если» станет строкой...»*

Горн закричал. Крикнул так, что микрофон взвыл от помех.
Он рванулся назад, споткнулся, упал на колени.
А когда поднял голову — в отсеке никого не было.
Только на иллюминаторе, в отражении, ещё на секунду
Держался её силуэт, расплываясь, как клякса.
И трещина на стекле шлема — реальная, глубокая,
Дышащая ледяным воздухом пустоты.

На мостике всё услышали. Всё поняли.
Это был не сон. Не галлюцинация от гравитации.
Это было вторжение. Сущность из кошмара, из Книги,
Перешла границу. И она не просто пугала.
Она знала. И выбирала цель. И говорила с ней
На языке её самых спрятанных, самых стыдных правд.

Лиран, бледный, сжал ручку кресла так, что кость побелела.
— Всем — в центральный отсек. Немедленно. Никто не остаётся один.
И приготовьте зонды. Мы берём пробы для науки.
Мы берём образец этого. То, что порождает таких теней.
Если звезда — источник... может, в её плазме мы найдём
Не только атомы, но и буквы того проклятого алфавита.

А Калдера за иллюминатором медленно, величаво пульсировала,
Будто огромное сердце, что качает по венам вселенной
Не кровь, а бесконечные, тёмные, готовые к воплощению
Истории.

ЧАСТЬ V: УРОЖАЙ БАГРОВЫХ КОШМАРОВ

Зонды, слепые и послушные, нырнули в багровую хмурь,
В короне, где плазма плясала дикие танцы смерти.
Вернулись, тяжелы контейнеры, с драгоценной пылью светила.
Образец в лабораторный бокс поместили, под светом
Холодных ламп, в перчатках, как будто чуму на исследование.

Айла, дрожащей рукой, ввела пробу в анализатор.
И прибор — умнейший агрегат, знавший атомы всех таблиц —
Замер. Завыл тихо, срываясь в цифровое бормотанье.
На экране — не графики, не спектры. Текст.
Тот самый, из снов. Тот, с подвохом. Узор из завитков
Чёрных на алом фоне, как кровь по старому пергаменту.
И он менялся. Строчил строки, используя данные сканера,
Датчиков, даже файлы личные Айлы в корабельной сети:
*«Айла... боится не звезды, а пустоты в собственной груди...
Вот её страх... стать пылью без смысла... как этот образец...
Смотри, как он оживает...»*

И образец — ожил.
Пыль, плазменный пепел, в невесомости бокса сгустился,
Потянулся к стенке, к стеклу, что её отделяло от Айлы.
Принял форму. Маленькую, сгорбленную. Форму Айлы-ребёнка,
Плачущей в темноте. И стукнулась о стекло кулачком —
беззвучно.

Айла отпрянула с криком. И будто сигнал этот крик был —
По всему «Щупу» свет дрогнул, сменившись на багровый,
Оттенок Калдеры, влившийся в каждую щель, в каждый провод.
И кошмар — материализовался.

Из вентиляции хлынул не дым, а поток теней,
Жидких и цепких. Из динамиков вырвался тот самый
Многоголосый шёпот, накладываясь на команды, на крики.
Стены кают, словно кожа, задышали, и на них проступили
Фрески из личных кошмаров экипажа:
— У Рифа на стене двигатель взрывался снова и снова.
— У Чарльза из щели ползли чёрные ноты, душившие джаз.
— У самого Лирана, в его рубке, на пульте, лежала
Та самая Книга, открытая на странице, где он, капитан,
Подписывал приказ бросить на гибель одного, чтобы спасти всех.
Приказ, который он отдавал лишь в самых глубоких своих страхах.

Корабль превращался в камеру пыток, где палачом
Был твой собственный разум, прочитанный, вывернутый
И отражённый в кривом зеркале звёздного сознания.

— Всем на мостик! Сквозь строй! — Заглушая шепот, рявкнул Лиран.
Голос его был якорем в этом бреде. — Это атака
На восприятие! Не поддаваться! Игнорируйте видения!
Риф, Горн — к двигателям! Готовить прыжок! Прочь с орбиты!
На любую дистанцию! Немедленно!

Они бежали по коридорам, где тени хватали за пятки,
Где с потолка капала чёрная жижа, пахнувшая озоном и страхом.
Горн, с безумием в глазах, давил тварей прикладом бластера,
Хоть знал — они нематериальны. Риф, стиснув зубы, лез в шахту,
Где каждый рычаг мог обернуться змеей.

На мостике Лиран, не глядя на кошмарные галлюцинации
На экранах, вручную вбивал координаты бегства.
Калдера на главном визоре пылала, как разгневанное око.
Давление падало. Температура росла. Не по датчикам —
Внутри, в жилах, в мозгу. Звезда не хотела их отпускать.
Она дорисовывала историю.

— Готово! — прохрипел Риф в канал связи, из-за рева двигателей.
— Мощности на пределе! Прыжок через десять секунд!
Держись!

— Прыгаем! — Лиран ударил ладонью по кнопке.
— Куда угодно! Лишь прочь!

И «Шуп», содрогаясь всем стальным своим нутром,
Рванулся с орбиты, прочь от багровых объятий,
Разрывая пространство для прыжка. Последнее, что видели они,
Прежде чем свет звёзд растянулся в струны, —
Это было лицо. Огромное, из плазмы и тьмы,
Сложившееся на мгновенье в короне Калдеры.
Не злое. Не доброе. Заинтересованное. Как автора,
Чью рукопись вырывают из рук, не дав дописать финал.

А потом — удар. Свет. Тишина.
Тишина без шепота. Без багрового свечения.
Только привычный гул двигателей на малом ходу
И звёзды, холодные, нормальные, застывшие вдалеке точками.
Они улетели. Сорвались. Но в грузовом отсеке,
В заброшенной лаборатории, в затемнённых каютах,
Там и сям, на металле, остались тёмные пятна,

Словно чернильные кляксы. И ощущение,
Что Книга, захлопнувшись, оставила между страниц
Закладку. И закладка эта — их корабль.
Их жизни. И их ещё не оконченные сны.

ЧАСТЬ VI: НАВИГАЦИЯ ПО СЛОМАННОМУ КОМПАСУ

И тишина воцарилась. Не та, что до ужаса — другая.
Пустая, выжженная, как поле после битвы с призраком.
«Щуп», с израненным духом, но целым корпусом,
Плыл по заданным цифрам, домой, в объятья орбит
Солнца жёлтого, скучного, предсказуемого.

День. Два. Неделя. Сны ушли, как вода истекает.
Видения стёрлись. Только шрамы на стекле шлема,
Да пятна на полу в инженерном отсеке — те самые кляксы —
Напоминали, что бред был явью. Их не трогали.
Боялись. И старались не глядеть.

Команда, как роботы, делала дело. Риф чинил,
Что не сломалось. Айла стирала с дисков те данные,
Что превращались в текст. Чарльз включал джаз громче,
Заглушая память о шёпоте в вентиляции.
Капитан Лиран вычислял маршрут, сверяя карты
С показаниями звёзд. Всё сходилось. Путь — верен.
Дом — впереди.

И вот он, момент. Последний прыжок.
Из пустоты переходной — в объятья родной системы.
Компьютер, голосом женским, спокойным, отрапортовал:
«Приближение к конечной точке. Координаты: Солнечная система.
Ожидание пробуждения экипажа».

Один за другим, из капсул, они выплывали, моргая.
Не было радости. Была усталость, глубокая, костная.
Но где-то под ней — дрожал первый луч надежды.
Дом. Свет. Люди. Другая музыка. Другой воздух.
Не озон и страх — а трава, и дождь, и просто тишина.

— Собрание в рубке, — сказал Лиран, и в голосе его
Впервые за много недель пробила живая струна.
— По старой традиции. Встречаем дом всем экипажем.

Они сошлись. Молча. Без улыбок, но и без гримас.
Встали у центрального пульта, смотрели на спину капитана,
На его руку, что легла на рычаг механических штор.

— Земля, — просто сказал он. — Встречайте.

И с лёгким шелестом титановые створки разъехались.

Вместо лазури мрамора, бирюзы океанов,
Вместо знакомых созвездий Рыб и Тельца —
Горел Он.

Багровый, пульсирующий, немыслимо близкий.
Глаз Калдеры. Гигантский, безвекий, бездонный.
Он заполнил весь иллюминатор. Весь мир.
Его свет, тот самый, что ощупывал, лизал сознание,
Облил их лица алым позором, багряным ужасом.

Тишина ударила, как обух. Никто не дышал.

— Нет... — хрипло выдавил Горн. — Это... невозможно.
Координаты... мы проверяли...

Лиран, медленно, как в кошмарном сне, повернулся к пульту.
На главном экране навигации, где секунду назад
Ярко мигали зелёные цифры Земли — её долготы, широты, —
Теперь плыли, расплывались, как чернила в воде.
И на их месте, чётко, неумолимо, загорелись другие.
Знакомые до боли. Проклятые.
Координаты точки на орбите Калдеры.
Не приближения. Прибытия.

Внизу экрана мигнула строка лога, последняя запись
автопилота, сделанная час назад:
*«Коррекция курса выполнена по приоритетному пакету данных.
Источник: внутренняя память, сектор «Исследовательские архивы».
Возврат к исходной точке миссии».*

И тут все поняли. До жуткой, леденящей ясности.
Это не звезда их преследовала. Не тянула магнитом.
Это они её привезли. В себе.
Вирус смысла. Код кошмара. Чёрную Книгу сознания.
Он въелся в системы, в логику навигации.
Он прочёл их глубочайшее, сокровенное желание — «Домой» —
И извратил его. Подменил понятия.
Для повреждённого разума корабля, для его заражённых
«исследовательских архивов» — домом стала Она.
Источник боли. Источник правды. Источник истории.
И он, послушный, вернулся «домой». К своему автору.
К своему зеркалу. К своему бесконечному, багровому
Зрачку, в который они теперь смотрели, понимая,
Что сбежать невозможно, когда твой собственный ум —

Последняя страница в книге, которую ты так и не смог
Прочесть до конца, но которая уже дописала за тебя
Самый последний, самый чёрный, самый багровый финал.

А Калдера мерцала. Приветливо. Как будто говоря:
«Добро пожаловать. История продолжается.
Перелистните страницу».

